

Матишич Мате
(хорват драматург)

24.11.09

МАТЕ МАТИШИЧ:

Реальность, в которой мы живем, изначально абсурдна

Культура. — 2004. — 18-24 ноября. — 15

В этом году Александр Огарев поставил в Театре им. А.С.Пушкина пьесу хорватского драматурга Мате МАТИШИЧА "Дети священника". Она стала первой современной хорватской пьесой, за последние годы появившейся на отечественной сцене. А Матишич — первым хорватским драматургом, приехавшим посмотреть свою постановку. В Европе он известен не только как драматург, но и как музыкант. Матишич использует в своих композициях этнические инструменты и регулярно участвует в фестивалях "World Music", сочиняет музыку для фильмов, телесериалов и радиопередач. Первый альбом он записал в 17 лет, а первую пьесу и киносценарий фильма "Жизнь с дядей" (в 1987 фильм завоевал главный приз кинофестиваля в Монреале) — в 19, когда учился в последнем классе гимназии. Перед спектаклем драматург ответил на вопросы корреспондента газеты "Культура".

— Господин Матишич, это ваш первый приезд в Москву?

— Да. Мне здесь очень нравится, хотя без своей переводчицы Ларисы я потерялся бы в первые два часа. А потом где-нибудь на Гоголевском бульваре бродил бы бездомный бродяга, и никто не догадался бы, что это я... Москва — огромный город. И хотя я в нем совершенно не ориентируюсь, я уже на второй день понял, что по духу это город, где я мог бы жить. Я много путешествовал и могу сказать, что мои города — это Берлин, Москва и Стамбул.

— Почему вы стали сочинять пьесы, а не романы или рассказы?

— Я и читать любил больше драмы, чем прозу. А почему — не знаю. Еще в школе прочел все пьесы Жана Поля Сартра и Альбера Камю и запоем читал хорватских драматургов. Наверное, оттого, что в них действие выражено гораздо ярче, чем в прозе. Моя первая драма своего рода "Амаркорд". Феллини снял фильм о воспоминаниях своего детства, а я написал драму на диалекте, на котором говорят в моих краях. Когда вспоминал, все ситуации превращались в диалоги. С этого все и началось. Думаю, у любого человека, записавшего какие-то события из своей жизни, получилась бы прекрасная драма без лишних героев и с замечательными диалогами. Вспоминая, можно увидеть многие вещи, которые от тебя были скрыты в тот момент, когда они происходили. Дон Фабиан, герой пьесы "Дети священника", только в конце жизни открывает истинное значение тех или иных своих поступков или пристрастий. Может, я через много лет пойму, почему стал писать именно драмы.

— Герои "Детей священника" продают вещи, которые выгля-

дят просто абсурдно. Пожилые супруги держат в подвале беременную девушку своего сына, не выпуская ее, пока она не родит ребенка. Марта носит накладной живот и собирает через девять месяцев показать соседям почти годовалого малыша, сказав, что она его родила.

— Для меня вообще характерен такой прием. Мне кажется, что реальность, в которой мы живем, изначально абсурдна. Какую бы безумную историю ни выдумал сегодня писатель, какой бы бред он ни зафиксировал на бумаге, все равно окажется, что нечто подобное уже где-то произошло. Стоит только заглянуть в Интернет. Если попытаться определить жанр действительности, в которой мы живем, получится смесь абсурда и криминального романа. Поэтому жанр "Детей священника" — детектив с элементами абсурда. По сравнению с нашей повседневной жизнью тексты Ионеско и Беккета кажутся сверхреалистическими. По моему, литературоведам пора внести коррективы. В наше время реалистическая литература XIX века выглядит как абсурд. А литература абсурда — как отображение реальности.

— Было бы так, что вы напишете о чем-то, а потом эта история действительно случается?

— Такое бывало. Например, в одной моей пьесе два хорвата, работавших в Германии, инсценировали собственную смерть. Во-первых, чтобы их семьи получили пенсию и, во-вторых, чтобы бесплатно проехать в гробах в Хорватию. Позже я читал в газетах, что в Германии уже было много таких случаев. Иногда им приходилось несколькими автобусами вывозить гробы мнимых мертвецов-гастарбайтеров. А те, добравшись до

С.Матишич с русскими актерами

Хорватии, оживали и как ни в чем не бывало жили и работали дальше. Или, например, человек умирает, а родственники вовремя не сообщают о его смерти... Действительность стала очень странной, в ней смешиваются самые противоречивые жанры. Мнимая смерть, с одной стороны, — криминальная история. С другой — комедия. А для кого-то это трагедия. Я черпаю вдохновение для творчества в окружающем меня мире. И этот мир действительно безумен, и поэтому кажется безумным то, что происходит в моих пьесах.

— И мир настолько безумен, что нелепые поступки в "Детях священника" совершают все, в том числе и священник?

— Одна из главных тем моей пьесы: человек не должен брать на себя прерогативы Господа Бога. Это грех. Поэтому мой текст — абсолютно христианский, и он говорит о том, что человек не должен брать на себя слишком много. А мы с этим встречаемся в повседневной жизни. Например, политики берут на себя такие обязательства и ставят перед собой такие задачи, которые выходят за рамки их земных полномочий.

— Как вы относитесь к постановкам своих пьес?

— От режиссера зависит, каким будет спектакль, я в это не вмешиваюсь. Мне важно, чтобы зрители почувствовали, что происходит с моими героями. И если это эмоциональное воздействие на зрителя достиг-

нуто, значит, все сделано правильно. Я рад, если зритель, посмотрев мою пьесу, пережил нечто, немного изменившее его представления о мире.

— Как складывается сейчас литературная ситуация в Хорватии?

— В Хорватии очень богатая литературная и театральная жизнь. У нас есть несколько крупных прозаиков старшего поколения: Неделько Фабрио, Павло Павличич, есть авторы молодого поколения и много молодых драматургов. В последние пять-шесть лет стали активно писать люди, которые работают журналистами. Это помогло продвижению прозы к читателю.

— Сочиняя пьесы и сценарии, вы не забываете о музыке. Над какой композицией вы сейчас работаете?

— На будущий год в Польше я буду представлять Хорватию на фестивале "World Music" и сейчас сочиняю музыкальную композицию, где прозвучат два национальных хорватских музыкальных инструмента: саммица — там всего четыре струны и два тона, и брач — он похож на маленькую гитару. Я исполняю на них разные мелодии, сочетая их с саксофоном и другими джазовыми инструментами. Я часто выступаю на международных фестивалях. И мне всегда казалось странным, что я стою на сцене рядом с музыкантами из Америки, из Сент-Луиса. И что я, хорват, играю блюз. Но дело в том, что блюз — это их музыка, но одно-

временно и моя тоже, потому что я на ней вырос. Мы по-разному ее интерпретируем, но блюз допускает разные интерпретации. По моему, одно из положительных последствий глобализации — то, что музыка благодаря компьютерам и дискам стала общим достоянием всего мира. Думаю, что это приведет к новым способам ее интерпретации. Не удивлюсь, если я через год научусь играть на балалайке и буду использовать ее в своих композициях.

— Вы пишете свои пьесы на компьютере? Или ручкой, на листе бумаги?

— Когда как. Первые четыре пьесы я вообще напечатал на пишущей машинке. Сейчас в основном работаю на компьютере: у меня неразборчивый почерк, а на экране монитора сразу видно, что ты написал. Но повесть дон Фабиана из третьего действия "Детей священника" я писал ручкой на листе бумаги. Почему — не знаю. Может быть, мне в этот день захотелось сесть и что-то написать на листе. Но независимо от авторской технологии драма написана хорошо, если она как бы сама себя пишет. Она развивается сама по себе, и автору не нужно ничего выдумывать. Он только записывает то, что драма подсказывает ему.

Беседу вела
Ольга РОМАНЦОВА
Фото Виктора СЕНЦОВА